

АЙТЕН ЮРАН

Философ, практикующий психоаналитик

Окончила философский факультет Московского государственного университета и Восточно-Европейский институт психоанализа. Преподаёт на кафедре теоретического психоанализа Восточно-Европейского института психоанализа, кафедре психологии Русской христианской гуманитарной академии, в Международном институте глубинной психологии (Киев). Читает совместно с Виктором Мазиным авторский курс «Психоаналитическая теория и клиника Фрейда — Лакана». Участница Лакановских семинаров в Музее сновидений Зигмунда Фрейда, участница проекта «Зелёный остров» по модели «La Maison Verte» (Париж, Ф. Дольто), организатор Школы психоанализа Фрейда — Лакана. Автор множества статей по различным проблемам психоанализа.

НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ О ВСТРЕЧЕ С БУКВОЙ¹

Но разве теперь, когда в поисках фрейдовской истины мы вступили на путь буквы, не чувствуем мы, что нам всё теплее и теплее, что истина уже прямо-таки обжигает нас?

Жак Лакан. «Инстанция буквы»

История первая: V, W

В этой небольшой зарисовке мне хотелось бы напомнить хорошо известную историю, которая произошла с маленьким Сергеем Панкеевым, в будущем знаменитым пациентом Фрейда, вошедшим в историю психоанализа как Человек-Волк. Итак: маленький Панкеев бежит за прекрасной большой бабочкой с яркими жёлтыми полосками на крыльях, но в один миг эта идиллического плана картина рушится, трансформируясь в ужасающую для него в момент опускания бабочки на цветок. Этот миг буквально разрывает для него полотно видимого мира, по отношению к которому ещё было возможно спокойное созерцание. Что происходит? Сквозь видимое в этот момент проступает нечто, что ввергает его в состояние сильнейшего страха.

Не вдаваясь в подробности анализа, напомним, что в момент опускания и складывания палкообразных концов крыльев бабочки пересечение двух линий проявляет невыносимый для него буквенный образ V. Об этом очень красиво скажет Лакан: «Трепет маленьких крыл вторит пульсу причинности, штриховке, наложенной на его бытие в тот момент, когда впервые выжгла на нём своё клеймо решётка желания»².

Напомним, что к этому вызывающему пронзительный страх сплетению линий в анализе удалось подобраться через забытую детскую сцену

с Грушей, зашифрованную в сложных лингвистических сплетениях: *бабочка с жёлтыми полосками – бабушка – сорт груш великолепного вкуса с полосками на коже в сарае первого имени – служанка Груша*. У Груши он, будучи маленьким ребёнком, впервые увидел движение ног, которое запечатлел в форме *V*. Этот же буквенный образ проступает сквозь римскую пять — *V*, время депрессивного настроения Панкеева. Эти линии, складывающиеся в букву, предстают средоточием несимволизированного, через разломы которого буквально сочитается Реальное, ввергающее субъекта в переживание сильнейшего страха. Фрейд, как будто бы пытаясь оправдать такого рода ассоциативную связку, отмечает, что подобный ход мысли вообще свойствен детям, их внимание «... привлекается гораздо больше движением, чем покоящимися формами, и часто на основании сходства движения у них являются такие ассоциации, которые взрослые упускают, не обращая на них внимания»³.

Лакан назовёт эту букву *мёртвой буквой* в психической реальности, буквой, в которой тайна сексуального различия оказывается непрочитаема для субъекта, оставаясь загадочным посланием. Генитальная реальность предстаёт «... мёртвой буквой в бессознательном, где по-прежнему безрадостно царит „сексуальная теория“ анальной фазы»⁴. Попробуем задуматься над сутью сплетения этих двух линий, черт, настолько явно пригвоздивших судьбу желания субъекта, но прежде над смыслом буквы вообще, мёртвой буквы, и над тем, каким образом она может быть оживлена в психической реальности.

Первое же, что бросается в глаза, — это различие буквы и означающего. Лакан заявляет: «Ни одна из записей, которыми воспользовался я для формализации в буквенном виде образований бессознательного... не позволяет смешивать, как это происходит теперь, означающее и букву. То, что я описал образования бессознательного в составленных из букв формулах, не даёт оснований делать из буквы означающее, а тем более считать её по отношению к означающему первичной»⁵. Если означающее представляет собой элемент, обладающий ценностью различия с другим означающим, и его можно представить только в паре, то буква предстаёт самостоятельным и независимым элементом. В этом смысле буква говорит буквально, в то время как означающее не говорит само по себе, так как смысл его явлен только в его противопоставленности другому означающему⁶. Лакан приводит простой пример: слово «благой» — «... само по себе отнюдь не благо, так как порождает одновременно с благом и значение „зло“»⁷.

В «Лекции о литуратерре» буквальность буквы, на которой настаивает Лакан, начиная с «Римской речи», он возводит к латинскому *litoral*, означающему «прибрежная полоса». Прибрежная полоса — это не граница. «Ведь прибрежная полоса представляет собой область, которая вся в целом образует другую, если хотите, границу — образует как раз постольку,

поскольку граничащие между собой области не имеют друг с другом абсолютно ничего общего и ни в какие взаимные отношения не вступают»⁸.

Что это означает в поле психоанализа? На что намекает Лакан? О каких граничащих областях может идти речь? Многие рассуждения подталкивают к мысли, что речь идёт о реальном и символическом, о прибрежной полосе наслаждения и знания — и о букве в качестве самой прибрежной полосы, которая принадлежит обеим сторонам, остающимся при этом абсолютно чуждыми друг другу. Буква разрывается между разнородными несмешиваемыми регистрами. Не буква ли в таком случае составляет видимость их сосуществования, прошивая своим присутствием и тот и другой порядок?

На встрече 12 мая 1971 года Лакан произносит несвойственную ему фразу, которая звучит почти как формула: «Поскольку я не уверен, конечно, что хоть кто-то здесь мою речь понимает, не худо было бы зафиксировать сказанное, противопоставив письмо — означающему. Так вот, письмо, буква — это в реальном, а означающее — в символическом».

Итак, буква в реальном. Буква для Лакана, начиная с «Инстанции буквы...», предстаёт как корень бессознательного, его основание. При этом позже появляются новые оттенки, Лакан начнёт все явственнее говорить о беззаконности буквы: о «наличии в букве чего-то такого, что, настаивая на себе, выдаёт тем самым, несмотря на логические основания, свою беззаконность?»⁹.

Напомню: в апреле 1971 года Лакан второй раз посещает Страну восходящего солнца. И если в первую поездку он воодушевлён посещением древних буддийских монастырей, то в эту поездку, по его же словам, он пережил встречу с прибрежной полосой. Эту встречу он смог осознать благодаря тому, что Япония сделала с ним своей буквой, а именно, по словам Лакана, слегка пощекотала так, чтобы он эту встречу восчувствовал.

Итак, Япония пощекотала буквой, — очевидно, буквой, абсолютно иной для западного субъекта, буквой иероглифического письма, что позволило Лакану переосмыслить во многом статус буквы вообще. Сквозь букву начинает проглядывать некая беззаконность, что и составляет принадлежность буквы порядку реальному. В таком случае возникает вопрос: как она, несущая в себе толику беззаконности, может быть вписана в символический порядок? Можно также вспомнить вопрос в формулировке самого Лакана: «каким образом бессознательное, которое является <...> эффектом языка, чья структура остаётся для бессознательного достаточным и необходимым условием, — этой функцией буквы распоряжается?»¹⁰.

В пятом семинаре Лакан приводит интересную аналогию, говоря о пространстве бессознательного как о типографическом пространстве, которое складывается по законам топологическим. Он пытается представить разрыв в цепочке означающих, отсылающий к механизму отбрасывания (*Verwerfung*), говоря о том, что в цепочке всегда может случиться так, что литеры в типографии не найдётся. Литера, которой нет на месте, предстаёт

местом прорыва реального, разрыва означающей цепочки, нарушения порядка символического, что делает невозможными те функции означающего, которые Лакан сравнивает с плугом, прокладывающим в реальности борозды означаемого (метонимия и метафора).

Связное типографическое пространство, в котором буквы, слоги, слова сочленяются в двух измерениях — в том, что Лакан называет сочетанием, преемственностью и логической связкой самих звеньев цепочки, с одной стороны, и замещением и подстановкой, с другой, — позволяет состояться возможной творческой функции означающего по отношению к означаемому. Иногда это невозможно — и тогда наслаждение просачивается сквозь букву, производя особый тип письма в порождении означающих, не нацеленных на смысл или не участвующих в его производстве, подобно письму Джойса, привлёкшему внимание Лакана.

В скольжении по этим выписанным Джойсом цепочкам означающих, в их хитросплетениях нам остаётся доступно лишь наслаждение письмом, относительно смысла которого мы остаёмся в полном неведении. По сути, производя своё письмо, Джойс играет не с означающим, а с буквой, не ставя в качестве цели эффект означаемого, а оказываясь в стихии наслаждения. В семинаре «Ещё» Лакан скажет о Джойсе так: «он наступает сновидению на горло». Письмо Джойса представляет собой не поддающийся толкованию симптом (синтом), с помощью которого ему удаётся связать то, что в других образованиях бессознательного навязывает истину в повторении. В логике наслаждения буквой как реального означающего становится понятным само построение психотического текста.

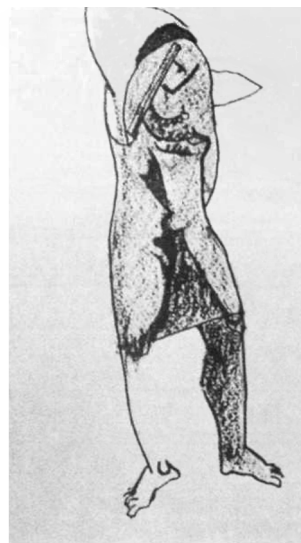
Сквозь букву может проглядывать мертвящее наслаждение, ощущаться дыхание реального, которое не может быть укрощено символическим, так как оно навсегда потеряло право быть вписанным в символический порядок. Именно поэтому «забавно констатировать, что психоанализ обязывает нас, в каком-то смысле, самым ходом своим признать смысл того, что буква, как-никак, говорит буквально, когда все интерпретации её сводятся к наслаждению»¹¹. Буква, сквозь которую просачивается наслаждение, высвобождает наслаждение, не скреплённое отцовской функцией, легитимирующей любой порядок. Отсюда сама необходимость письма в психотических связываниях, они аналогичны попыткам увязывания элементов структуры субъекта между собой. Эта работа над буквой предстаёт плетением недостающих соединительных звеньев борромеева узла, работой по связыванию наслаждения, по восполнению отсутствующих скреп Имён-Отца. Лакан даже изобретёт по этому поводу неологизм — *poubellication* (пубелликация), в котором *publication* (публикация) соединяется с выбрасыванием в мусорную корзину (*poubelle*).

Распадающийся порядок на грани буквы и образа, наслаждения и знания обнажает мёртвую букву V, проступающую сквозь трепетание замерших крыльев бабочки, нарочито выступая из видимого порядка и свидетельствуя о невозможности её укрощения. Буква, проявленная палко-

образными концами крыльев бабочки, не имеет возможности «потеряться» в означающем, порождающем смысл. Сквозь линии этой буквы буквально сочтется Реальное. «...Наслаждение, напоминающее о себе на изломе подобия — вот то, что в Реальном — именно в Реальном, что важно, предстаёт нам в виде вымытых потоком борозд»¹². Эти борозды становятся проявленными на стыке подобия с движущимся образом — в том, как раскрывает крылья бабочка, в положении женских ног.

Буква *V* проступает для субъекта в формах и в очертаниях в логике подобия, тирании образа, но буква эта не различает в порядке символического. Субъект не желает ничего знать о сексуальном различии — потому, говорит Лакан, что «женская позиция, усвоенная себе субъектом в воображаемом плену первоначального травматизма, не позволяет ему принять генитальную реальность, не испытав при этом неизбежную для него с этого момента угрозу кастрации»¹³. Речь идёт о букве, потерявшей навсегда своё право быть вписанной в означающий порядок¹⁴. Уместно сейчас напомнить отсечение этой удвоенной буквы *W* в сновидении Сергея Панкеева об отрывании крыльев у осы: «мне снилось, что какой-то человек отрывает крылья *Espe*». — «„*Espe*», — переспрашивает Фрейд, — вы, наверное, имеете в виду *Wespe*?“ — „Разве это насекомое называется *Wespe*? Я всегда думал, что это *Espe*, но это же мои инициалы — *S. P.*“».

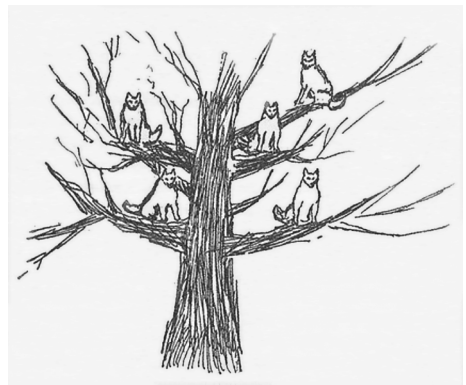
В связи со всеми этими размышлениями вспомнилась работа Гонсалеса «Женщина, расчёсывающая волосы» (1931). Если быть точнее, речь идёт не об одной работе, а о двух, её удвоении — в карандашном эскизе и в металлической скульптуре, которые предстают точными копиями друг друга. При этом между карандашным наброском и скульптурой — пропасть. Что имеется в виду? Вот как об этом говорит Розалинда Краусс:

«Четыре металлических прута, которые отходят от шеи женской фигуры, образуя форму **W**, совершенно не „читаются“ так, как читается почти идентичная деталь на рисунке. В отличие от своей карандашной предшественницы, металлическая **W** вовсе не напоминает откинутые со лба волосы; это неуклюжая форма, смазывающая деление фигура/фон, бессильная, словно полусжатые пальцы, пытающиеся схватить пустоту»¹⁵. Хотелось бы обратить внимание на уместность использования слова «читаются».

И далее: «В карандашном рисунке зритель легко увидит падающие вперёд волосы и поднятый локоть правой руки, которую женщина подносит к своей опущенной голове, в то время как в металлической этого не происходит — эта ломаная форма, прилепившаяся к внешней кромке железной **W**, просто не воспринимается зрением как локоть»¹⁶.

Металлические линии не читаются привычным и понятным образом, не имея возможности вписаться в смысловые понятные ориентиры. На рисунке же эти линии укрощены в понятном образе карандашного контура. Линия, штрих, явленные в карандашном наброске, и штрих как материально осязаемая, выпукло проступающая линия металлических стержней демонстрируют глубокую двойственность формы **W**. Мы имеем дело с пространством перевода, транскрипции — линии начертанной, явленной в карандашном наброске в линию в форме металлических прутьев. Эта двойственность линии предстаёт хорошей иллюстрацией буквы как прибрежной полосы, принадлежащей абсолютно разнородным порядкам, при этом имеющей возможность и вписывания в смысловой порядок, «потерявшись» в карандашных линиях волос, и быть выпукло проявленной и «непрочитываемой» в выступающих металлических прутьях в операции перевода с одного языка на другой. Интересно с этой точки зрения то, что рисунок Человека-Волка, если к нему внимательно присмотреться, по сути своей предстаёт плетением из этих двух линий, пересечение которых даёт буквенный образ **V**.

История вторая: БУКВЫ, БОРОЗДЫ И ЯПОНСКАЯ ЖИВОПИСЬ

Вернёмся ко второй поездке Лакана в Японию в апреле 1971 года. По возвращении на семинарской встрече 12 мая Лакан говорит, что готов представить аудитории маленькое эссе о сибирэтике. В описании Лакана перед нами предстаёт зрелище голой сибирской равнины, изрезанной линиями, в котором взгляду Лакана из иллюминатора самолёта удалось прочесть не столь рельеф местности, сколь нанесённую на равнину штриховку. Важно также то, что Лакан подчёркивает, что зрелище это возникло среди облаков. К этому моменту мы ещё вернёмся.

Что они представляют собой, эти видимые с высоты самолёта линии? «Это букет, — говорит Лакан, — составленный из двух частей, между которыми я провёл когда-то различие: из первичной черты и того, что эта черта стирает». Итак, видимое с высоты самолёта зрелище ассоциативно отсылает Лакана к первичной черте и её функции стирания. При этом Лакан напоминает, что само появление субъекта завязано на единич-

ную черту, и в «...явлении его налицо два временных такта. Необходимо поэтому особо говорить о зачёркивании»¹⁷.

Попробуем прояснить этот непростой пассаж. Первое же, что можно сказать — это то, что сама операция стирания всегда состоит из двух тактов: «зачёркивание следа, которого прежде не было, — вот что является почвой, территорией литорального». Здесь мы оказываемся в сердце психической темпоральности, или логического времени, когда только последующий такт делает возможным разговор о предшествующем. Нет следа, пока нет того, что его перечёркивает. Это чрезвычайно важный момент, позволяющий уйти от любых форм онтологизации субъекта бессознательного.

Далее вспоминаются рассуждения Лакана в «Пятом семинаре» о следе и о том, что этот след стирает. След не есть означающее, это отпечаток. К примеру, обнаруженный Робинзоном отпечаток ноги Пятницы не есть означающее. Этот след может обрести достоинство означающего в момент, когда след стирается. Именно поэтому, проясняя, что именно представляет собой означающее на элементарном уровне, Лакан не раз отмечает, что имея дело с означающим, мы всегда имеем дело с возникновением, или, памятуя о механизме последствий, с миновавшим присутствием. Сама же операция стирания довольно тривиальна — это черта.

В «Пятом семинаре» Лакан поясняет: «... для всего, что означающим не является, то есть в первую очередь для Реального, черта, его перечёркивающая, служит самым надёжным и безошибочным способом возвести его в достоинство означающего»¹⁸. Более того, сама возможность этого зачёркивания и означает возможность воспроизвести ту часть, которая обеспечивает субъекту существование. Очевидно, речь идёт об операции конституирования расщеплённого или перечёркнутого субъекта как эффекта вытеснения, посредством которого можно говорить об элизии, или опущении означающего в цепочке.

Вернёмся к иллюминатору самолёта. Всё же что именно видит Лакан, пролетая над сибирской равниной? Попытаться понять это мы можем, последовав за Лаканом в его ассоциациях. От рассуждений о черте и её зачёркивании Лакан переходит к размышлениям о японской каллиграфии. Точнее, по его же словам, к тому подвигу, который совершает японская каллиграфия, а именно — выписыванию черты. Обращаясь к аудитории, Лакан просит провести слева направо горизонтальную линию, которая и предстаёт как простейший образ единичной черты. При этом он говорит о своих сомнениях в том, что такого рода черту сможет воспроизвести западный человек. «Вы сами увидите, как много уйдёт у вас времени, чтобы понять, как приступить к этому и как правильно остановить движение кисти, отрывая её от бумаги. Результат, так или иначе, будет плачевный — для западного человека это безнадежное дело. Здесь нужен совсем иной почерк: лишь отрешившись от всего, что зачёркивает вас самих, можно его усвоить»¹⁹.

На этом ассоциативная связка Лакана не останавливается, он движется дальше, к японской живописи, отмечая, что заметил недавно её родство с каллиграфией. В чем оно? Японская живопись не обходится без облаков, а золотистые облака, которые скрадывают часть изображения, выполняют какую-то чрезвычайно важную функцию. «Они не висят гирляндами, как какемоно, нет — их называют макемоно, и служат они для отграничения друг от друга сцен заднего плана. Почему людям, так неплохо умеющим рисовать, понадобились эти нагромождения облаков?»²⁰. Ответ Лакана, уже вполне предсказуемый на фоне предыдущих размышлений: именно так измерение означающего и вводится.

Здесь уместно обратиться к размышлениям Юбера Дамиша, автора книги «Теория облака». Дамиш также подчёркивает необычайно важный теоретический статус, который придавался облаку в восточных трактатах о живописи. Японская и китайская живопись регулярно пользуется облаком как твёрдой опорой изображения. Послушаем, как он говорит об этом: статус «... элемента, принципа, который, в зависимости от того, сосредоточен он или рассеян, образует в своей „неуловимой пустоте“ связующее пейзажа, где выявляет, одновременно скрывая, „особенности гор“ и „приметы вод“»²¹. Хотелось бы обратить внимание на слова «выявляет, одновременно скрывая». Напомню, Лакан также подчёркивает, что видимое с высоты самолёта открылось в разрыве облаков. Можно предположить, что облака и выполняют в восточной живописи роль черты, производят функцию стирания. Именно поэтому можно сказать, что они вводят измерение означающего. Это подводит к пониманию того, что живописная форма, которая прочно сохраняет свою связь с репрезентативностью видимого мира, тем не менее может быть возведена в статус чистого означающего, подведя к границам репрезентации.

Вернёмся к вопросу: что же видит Лакан в вычерченных на земле бороздках сквозь гряды облаков? В зрелище пустынной сибирской равнины, открывающейся сверху, Лакан усматривает аскезу письма²². Позднее, в семинаре «Ещё», вновь обращаясь к этому сюжету, Лакан уточнит: «Именно об этом сказал я в тексте, не самом удачном, конечно, под заглавием *Литуратерра. Языковая туча* — написал я, прибегнув к метафоре — *проливается письмом*. Кто знает, не связано ли то, что в водных потоках, которые видел я, пересекая самолётом Сибирь, прочитываются нами метафорические следы письма — недаром письменный шрифт называли некогда вязью — с чем-то, к дождю не имеющим отношения, с чем-то таким, что животное прочесть никогда не сможет?»²³.

Сложно сейчас не вспомнить то, что Юбер Дамиш говорит об этимологии китайского иероглифа, означающего живопись. «Это сложная буква, состоящая из двух графических элементов»: один из них ведёт свою «... родословную от руки, пишущей палочкой и приобретшей значение „кисть“, второй отсылает к расчерченному бороздами участку земли²⁴. Это само по себе крайне интересно — то, что в иероглифе «живопись» пишущая рука и бороздки на участке земли оказались вместе. Юбер Дамиш делает вывод: «...значение глагола „живописать“ восходит к черчению с помощью кисти линий, дающих контуры форм, так же как тропинки определяют границы и очертания полей»²⁵.

«Буква, то, что зачёркивает написанное, оказывается, таким образом, разрывом в подобии — разрывом, рассеивающим то, что являлось нам зримо как форма»²⁶. Рискну предположить: быть может, в этой возможности и заключается её оживление? Мёртвая буква, через которую сочтётся

затопляющее наслаждение, как в случае *V* Человека-Волка, продолжает находиться в отношениях подобия с другими формами и образами, проступая сквозь их очертания, так как нет того, что возвело бы её в статус означающего, придало бы ей законный характер?!

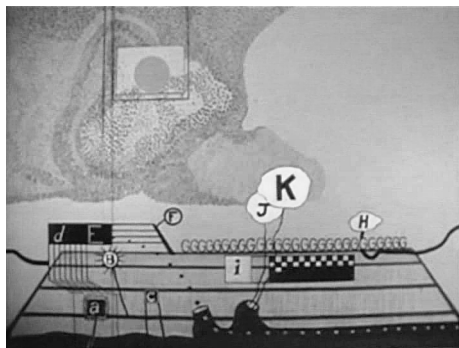
Письмо проявлено на изломе подобия в том, что «...в Реальном — именно в Реальном, что важно, — предстаёт нам в виде вымытых потоком борозд». Борозды пролагаются в Реальном символическим. Более того: борозды — вовсе никакая не метафора, так как «писать и значит пролагать борозды»²⁷. «Писать» значит «бороздить», буква причастна к черте, это след, проявленный в перечёркивании. Письмо несёт в себе память о следе, в котором прочитывается эффект языка. Именно здесь Лакан произносит: письмо, буква — в Реальном, а означающее в Символическом.

Буква предстаёт как эффект дискурса. Лакан, к примеру, обращает внимание на то, что буквы финикийского алфавита обнаружены были на египетской глиняной посуде дофиникийской эпохи и представляли своего рода фабричным клеймом. И только потом они оказались использованы «...для чего-то такого, что вовсе не является коннотацией означающего, но её разрабатывает, её совершенствует»²⁸. Более того, сам способ возникновения букв в качестве китайских иероглифов совершенно иной, нежели букв нашего языка. При этом важно другое, и здесь, по мысли Лакана, и начинается самое интересное: эти инородные буквы всё же в чём-то сходятся. В чём? Из всего вышесказанного — в том, что буква, письмо предстаёт в виде проложенных борозд. Буква несёт в себе миновавшее присутствие следа, в ней есть нечто от разрыва в бытии, разрыва в порядке знания и в порядке наслаждения.

История третья: РЕБЁНОК, БУКВА, АЛФАВИТ

В психоанализе много говорится о травме рождения в язык посредством речей, звучащих вокруг, при этом практически ничего не сказано о той травме, через которую прошёл каждый из тех, кто читает эти строки. Я имею в виду встречу с буквой в момент освоения алфавита и чтения. Пожалуй, только у Дольто мне встретился небольшой пассаж, в котором она говорит об этом опыте, очень ярко описывая то, как «на ложе страданий и разочарований открыла для себя счастье читать». Этот опыт Дольто описывает как ослепляющий прорыв, как вспышку, сопровождаемую ощущением прикосновения к чуду, — и в то же время она очень ярко говорит о мучительности рождения в этой новой ипостаси. Для маленькой девочки этот переход в пространство, обладающее загадочной властью сворачивать привычные образы в вереницу букв, непонятных в своём оплотнённом присутствии, представал очень болезненным. Каким-то невероятным ощущался разрыв между «плоским текстом» и образами, в изобилии порождаемыми детским вооб-

ражением. Слишком сильным оказывалось сопротивление букв, апострофов, тире, трем, аксантов и прочих знаков, которые перескакивали с места на место, сопротивляясь складыванию в слова.

В этом опыте маленький ребёнок «зависает» в пропасти между взглядом, который скользит всё дальше и дальше по веренице букв, пальцем, который водит по строчкам, как будто пытаюсь тщетно затормозить взгляд. И это ещё не всё. Смысл запаздывает настолько, что понимания прочитанного не происходит: надо, оказывается, ещё слушать произносимое — и только тогда фраза, быть может, обретёт смысл.

Попытки согласовать разные порядки, разрывающиеся между созвездием букв и образами, между опережающим взглядом и запаздывающим смыслом, между ничего не значащим монотонным голосом и возможностью сложить звуки в слово, предстают как отголосок всей сложности рождения субъекта в символический порядок.

Дольго пишет, что разочарование было настолько сильным, что она даже пыталась разучиться читать, но несмотря на все её ухищрения, например на косящий взгляд, когда буквы расплываются в зрительном порядке, сделать это оказалось невозможно. По её словам, именно этот опыт подвёл её к пониманию необратимости психических процессов. С этим опытом также открылся другой мир — по сути, упорядочивающий и укрощающий фантазийный мир: в воображении всё находилось в движении, тогда как с плоским текстом пришла власть слова над образом, особенно в том горьком открытии, что есть слова, которые не представить²⁹!

В 1891 году Фрейд, говоря о различных видах афазий, отмечал возможные сбои в чтении — к примеру, когда смысл улетучивается и составление слова из букв оказывается невозможно. Фрейд поясняет это опытом, хорошо знакомым каждому из нас: «если я читаю корректуру и при этом намерен уделить особое внимание зрительным образам букв и другим шрифтовым символам, то смысл прочитанного ускользает от меня настолько, что для стилистических исправлений мне потребуется специально прочесть её ещё раз». И наоборот, «если я читаю книгу, которая меня заинтересовала, например роман, я не замечу никаких опечаток, и может случиться так, что в моей голове ничего не останется от имён действующих там персонажей, кроме беспорядочной вереницы и воспоминания о том, длинные они или короткие и что они содержат запоминающиеся буквы X или Z»³⁰.

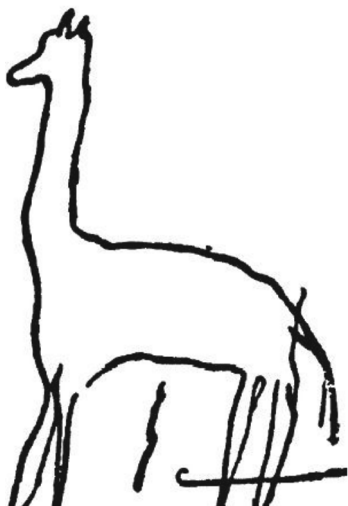
Акцент на буквах способствует стиранию смысла, его ускользанию. Напомню пример из знаменитого случая Фрейда — Человека-Крысы, когда в изобретённом им слове, составленном из начальных букв молитв (так объяснял это сам пациент), обнаружилась анаграмма имени его возлюбленной, при этом в конце была буква *s*, которая помещалась непосредственно перед *аминь* (*amen*). Толкование заключалось в том, что в этом слове он свёл воедино имя своей возлюбленной и своё семя (*Samen*), — или, как сказал в поэтической форме Лакан в «Римской речи», он «...вечно орошает имя этой дамы символическим излиянием бессильного желания». Такого рода работа с буквой как раз и предназначена для того, чтобы предотвратить смысл, купировать его, не сделать явным осуществление запретного³¹.

В семинаре «Этика психоанализа» Лакан говорит о ране (разрезах), которую наносит человеческой жизни само присутствие языка. Вхождение в алфавит оживляет другую травму — травму нашего рождения в мир говорящих других, в голоса, которые звучали вокруг, будучи ещё неразличимыми в своей смысловой составляющей. В связи со сказанным вспоминается короткометражный фильм Линча «Алфавит», в котором гениальным образом удалось визуализировать эту травму мучительного и кошмарного втискивания маленькой девочки в порядок букв. Кадры сопровождаются звуками навязчивого повторения алфавита *a, b, c, a, b, c...* — в тональности музыкального напева; при этом демонстрируется артикуляционный аппарат — рот, в котором рождаются звуки. Буквы вбиваются в голову, в тело, разбрызгиваются по белоснежной постели, в которой лежит девочка; слишком близкими они оказываются к плоти, которая выворачивается наизнанку в рвоте, слишком явно говорящей обо всей сложности этого рождения. Буквы произрастают на разграфлённом, разлинованном пространстве.

В связи с этим думается на тему опространствления субъекта в означивании плоти, опыта наслаждения у эрогенных зон, скрепленном означивающим порядком. Само членение пространства, в котором прорастают буквы, отсылает нас вновь к психоаналитическому пониманию того, что функция пространства берёт своё начало в теле. Буквы буквально прорастают на плоти, складываются из черт, которые предстают напоминанием о затягивающихся означивающим порядком разрезах тела у его кромок. Кромка, край в некотором смысле предстаёт поставщиком черты, палочки как элемента буквы, письма. Черта вмонтирована в букву, буква собрана из черт. Черта сохраняет в себе память о вторжении наслаждения. Всё тело предстаёт как палимпсест, разворачивающий идею многослойных записей на нём, утолщенных в следах боли, восприятий и иных событий, выжигающих метки, шрамы на поверхности тела. Материя буквы включается в систему письма, в формирующие психическую реальность означивающие цепочки.

История четвёртая: *H*

Это история об образе, одним штрихом преобразующемся в букву. При том, что образ всегда уже прошит означающим порядком, включён в ребусные ряды, в которых нет наивных отсылок к видимому, в данном случае интересен сам миг этой трансформации из понятного образа в букву. Я имею в виду рисунок из знаменитого случая маленького Ганса, на котором изображён жираф. Обо всём по порядку.

Благодаря скрупулёзным записям отца Ганса мы можем погрузиться в сам процесс появления рисунка. Вот что он записывает: «Я рисую Гансу, который в последнее время часто бывал в Шёнбруне, жирафа. Он говорит мне: „Нарисуй же и wiwimacher“. Я: „Пририсуй его сам“. Тогда он пририсовывает посредине живота маленькую палочку, которую сейчас же удлиняет, замечая: „wiwimacher длиннее“»³². Посмотрим внимательно на рисунок. Что мы видим? Действительно, странную палочку, удлиняя которую, Ганс, по сути, перечёркивает рисунок.

В связи с этой чертой вспоминаются слова Лакана, которые делают всю эту ситуацию ещё более загадочной и которые он вдруг произносит в самом лоне своих рассуждений о психозах. Так, рассуждая о Шребере, Лакан вдруг заявляет: «... в воображаемом пациента та параллельная контурам лица черта, которая видна на рисунках Ганса и хорошо знакома всем знатокам детских рисунков <...> отсутствует»³³. Что это за черта, которая должна быть хорошо знакома тем, кто имеет дело с детскими рисунками? Намёком на что она является?

Из предыдущих рассуждений очевидно, что речь идёт о черте, которая своим появлением вводит измерение возникновения. Можно в связи с этим вспомнить гегелевское *снятие* (*Aufhebung*), которое содержит в себе логическую операцию упразднения, аннулирования — и в то же время возведения в новое достоинство. Результат перечёркивающей черты — это то, что Лакан называет продуктом символической функции, эффектом узаконивания в новом измерении. На первый план выходит нечто такое, что заграждает, упраздняет субъект, обеспечивая вхождение в означающий порядок через помеченность явным законом.

Черта появляется и в других фантазиях Ганса. Похоже, что она размечает для него дозволенное и недозволенное пространство, границу непозволительного, незаконного пересечения. Можно вспомнить фантазию о том, как он вместе с отцом пробирается в запретное место, очерченное почти символически — верёвкой, за что они оказались наказаны сторожем. Ещё одной чертой, ощутимой, но невидимой для глаза, оказывается оконное стекло, которое Ганс в своих фантазиях разбивает вместе с отцом (при этом, они вновь оказываются наказаны властной фигурой — полицейским). Фрейд обращает наше особое внимание на то, что в этих действиях уже присутствует представление о запретности происходящего, о нарушении некоей черты дозволенного. По сути, это черта, маркирующая субъекта вины, которая раскалывает субъекта, размечая зону инцестуозной сексуальности, становящейся отныне запретной, той, путь к которой напрямую закрыт. Речь идёт о рождении субъекта перечёркнутого как расщеплённого между двумя областями психического — сознательной и бессознательной.

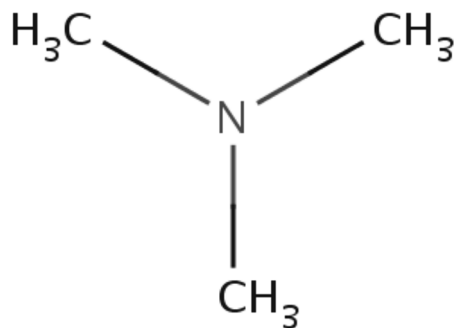
Присмотримся внимательнее к рисунку. Перечёркивание понятного образа — ещё не всё³⁴. На рисунке маленького Ганса этим перечёркиванием оказывается проявлена буква **Н**, контуры которой формируются чертой, которую он дорисовывает перечёркиванием двух задних ног жирафа. Сквозь контуры знакомого образа вдруг проступает заглавная буква имени субъекта — *Herbert Graf*.

Что производит этим перечёркиванием Ганс? Быть может, это перечёркивание и есть продукт символической функции, той самой черты, которая предстаёт способом возведения себя в новую символическую позицию?! Примечательно, что эта буква, существующая только в письме и неслышимая в звучании, навязывает свой закон, свой порядок произнесения. Буква маленького Ганса, явленная перечёркиванием образа, — это не буква Панкеева, нарочито выставяющая свою незаконность и ввергающая в страх: напротив, это буква, получившая своё законное место в символическом порядке.

Интересно, что в семинаре «Ещё», рассуждая о различных формах письма и пытаясь подобраться к ним в историческом разрезе, Лакан также говорит о букве **Н**. Он отмечает: «...учёные давно ломают себе голову, пытаются разгадать назначение пиктограмм ацтеков и майя или, скажем, обнаруженных в Мас д'Азиле камушков, недоумевая, что это за игральные кости и для каких игр они служат»³⁵. Но дело даже не в прослеживании исторического подхода: по-видимому, несколько иронизируя, Лакан говорит, что главное заключается в том, чтобы не трогать начальную букву слова *Historia*. Это буква особенная: она присутствует только в графике и отсутствует в произношении, фонеме. При этом она навязывает свой

закон, её присутствие предопределяет свою логику письма и произношения. Действительно, лучше не касаться буквы вообще, не тревожить её в этом хрупком смысловом вписывании: буква, как мы помним, принадлежит порядку Реального — чего доброго, она вновь может выставить напоказ собственную беззаконность, приводя к провалу символического порядка. Сам же Лакан не может не тревожить букву, как не может и не тревожиться ею.

В связи с этим проступанием буквы вспоминаются совсем другие — те, которые явились на место исчезнувшего субъекта. Я имею в виду знаменитое сновидение Фрейда об инъекции Ирме, когда визуальное поле видимого резким образом сужается, при этом вскрывается нечто на грани возможной репрезентации, нечто бесформенное, за которым — распыление субъекта. Видимая прорва рта, объект страха по преимуществу, своим появлением задаёт логику спектрального разложения функции собственного я в предельном переживании границ представимого, опрокидывания в бесформенное. Субъект устраняется со сцены мира, буквально исчезает. Лакан говорит о последнем разоблачении, своего рода указании в сновидении: «...ты есть вот это — то, что от тебя дальше всего, что всего бесформеннее»³⁶. И именно здесь, в этом разоблачении, поверх всего сновидческого палимпсеста проявляются буквы.

Вот как об этом скажет Лакан: «И тут <...> возникает, подобно библейским *Мене, Текел, Фарес*, жирным шрифтом выведенная формула триметилamina»³⁷. Это буквы по ту сторону собственного «Я» субъекта, приходящие на место его упразднения, начертанные поверх сновидческих образов, срывающихся в пропасть непредставимого. Проявившиеся цепочки букв этой химической формулы обнажают голую структуру сновидения, стыкуя регистры символического и реального, формируя своего рода береговую черту между знанием и наслаждением.

Ещё немного о письме, букве и путях к Единому

Недаром говорят, конечно, что буква убивает,
а дух животворит <...> Но тем не менее нам интересно:
а как всё-таки дух собирается выжить без буквы?

*Жак Лакан. «Инстанция буквы в бессознательном,
или Судьба разума после Фрейда»*

В семинаре «Ещё» Лакан являет совершенно новый поворот в рассуждениях о продвижении к Единому. К нему вовсе «...не обязательно приближаться чисто интуитивно, сливаясь с ним в любовном экстазе, есть к нему и совершенно иной путь»³⁸. Что это за путь? Это путь буквы, путь математический, путь теории множеств, точнее, множеств, включающих вещи, которые не имеют между собой совершенно никакой связи³⁹. Путь буквы, которая, напомним в очередной раз, обнаруживается в прибрежной полосе наслаждения и знания как непересекающихся и разнородных порядков.

Послушаем Лакана: «Сгруппируем вместе объекты мысли и объекты во внешнем мире, и пусть каждый из них считается за единицу (un). Сгруппируем абсолютно разнородные вещи и позволим себе обозначить эту группу какой-нибудь буквой. Именно с этого начинается собственно теория множеств»⁴⁰. При этом важно не просто то, что буквы обозначают группы, как это принято в теории множеств, а то, что «...они и *есть* группы, они их *образуют*, они функционируют в этой теории как сами группы»⁴¹. В этом высказывании важным предстаёт слово *как*. Лакан напоминает свою хорошо известную формулу — «бессознательное выстроено *как* язык», обращая особое внимание на это *как*, подчёркивая, чтобы его не поняли, будто бессознательное выстроено *посредством* языка. Бессознательное выстроено *как* язык, «структурировано как группы, так же как группы, о которых идёт речь в теории множеств, предстают *как* подобные буквам».

Какова функция буквы по отношению к знанию? По мысли Лакана, это «...функция, которая уподобляет букву семени — семени, которое следует, если верить современной молекулярной физиологии, чётко отделять от тела, по отношению к которому оно является носителем вместе жизни и смерти. А отсюда следует, в свою очередь, что бытие несёт смерть там, где буква воспроизводит, но бытие знания, воспроизводимое ею, не является никогда тем же самым»⁴². Быть может, речь о том, что воспроизводящая буква (*lettre*) и есть буква, включённая в ряды повторений, в означающий порядок, призванная поддержать колесо смысла, бытия (*l'être*), а не способствовать прорыву мертвящего наслаждения в символический порядок?! Буква — семя, включённое как в логику жизни, так и в логику смерти, своего рода рычаг, запускающий сплетения влечений к жизни и к смерти в каждой конкретной психической реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Интересу к этим историям предшествуют другие. Так, мой взгляд часто падает на небольшой объект, деревянный брусок, покоящийся среди книг, на котором очень художественно выписана буква А. Это подарок, который был изготовлен на моих же глазах одним художником. Действительно, какую же ещё букву он мог выписать на этом бруске?! Это пробудило ещё более раннее, абсолютно смутное и неразличимое воспоминание о двери из детства, на которой была живописно изображена огромная прописная буква А. Взрослые, указывая на эту входную дверь, говорили, что эта буква не случайна и имеет отношение ко мне. Воспоминание же касается того, как удаётся висеть на ручке двери, задрав наверх голову, в раздумьях, почему именно такого рода закорючки, штрихи, а не какие-либо другие имеют отношение ко мне, — слишком сложной и непонятной представляла связь между мною и этими загадочными линиями, бороздками, извивами.

²Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары. Книга 11). М.: Гнозис — Логос, 2004. С. 85.

³Там же С. 216.

⁴Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинары. Книга 1). М.: Гнозис — Логос, 1998. С. 412.

⁵Лакан Ж. Лекция о литуратерре//Лакан и Япония. Лакановские тетради /Под ред. В. Машина, А. Юран. СПб.: Алетейя, 2011 (в печати).

⁶Кстати, по словам самого же Лакана, единственное его изобретение в психоанализе — объект А — он обозначает именно буквой или алгебраическим выражением. Такого рода обозначение выполняет определённую функцию: оно подобно нити, которая позволит нам опознать этот объект в многообразных его обликах. Почему так важно, что это буква? Вот пояснения Лакана: «Потому что в отличие от словесного именованя, которое всегда метафорично, алгебраическое указывает на чистую идентичность предмета самому себе, буква буквальна» (Лакан Ж. Тревога (Семинары. Книга 10). М.: Гнозис, 2010. С. 108).

⁷Там же. С. 108.

⁸Лакан Ж. Лекция о литуратерре.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же.

¹³Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа. С. 411.

¹⁴Вспомнился ещё один случай, описанный Софи Моргенштерн, — пациента, на которого очень сильное впечатление, сопровождаемое различными оттенками жути, производила буква Р, а именно ножка этой буквы. Он усматривал букву в различных предметах, расположенных перпендикулярно ему; при этом, будучи очень взволнован их видом, старался перестать смотреть на них. Намёк на эту букву он обнаруживал даже в очертаниях поднятого воротника мужской рубашки, что также приводило его в состояние сильного возбуждения и страха.

¹⁵Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М.: Художественный журнал, 2003. С. 127.

¹⁶Там же. С. 128.

¹⁷Лакан Ж. Лекция о литуратерре.

¹⁸Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары. Книга 5). М.: Гнозис — Логос, 2002. С. 400.

¹⁹Лакан Ж. Лекция о литуратерре.

²⁰Там же.

²¹Дамиш Ю. Теория облака. набросок истории живописи. СПб.: Наука, 2003. С. 312.

²² У Лакана есть очень интересный образ письма, в котором он выделяет логику измерения поверхности, того измерения, в котором и мыслимо письмо, — это прядущий свою паутину паук. «Поистине чудесное зрелище: наблюдать, как ветвятся на вырастающей из тёмных недр этого странного существа поверхности траектории текста, и воочию видеть пределы, тупики, границы, воплощающие собой переход реального в символическое».

²³ Лакан Ж. Ещё (Семинары. Книга 20). М.: Гнозис — Логос, 2011. С. 144.

²⁴ Дамиш Ю. Теория облака. С. 317.

²⁵ Там же. С. 318.

²⁶ Лакан Ж. Лекция о литуратерре.

²⁷ Там же.

²⁸ Лакан Ж. Ещё. С. 45.

²⁹ Вспомнилась повесть Сартра «Слова», в которой речь также идёт о непростом опыте первых столкновений с книгой: «...из неё выходили фразы, наводившие на меня страх; это были форменные сороконожки, они мельтешили слогами и буквами, растягивали дифтонги, звенели удвоенными согласными; напевные, звучные, прерываемые паузами и вздохами, полные незнакомых слов, они упивались сами собой и собственными извивами, нимало не заботясь обо мне; иногда они обрывались, прежде чем я успевал что-либо понять».

³⁰ Фрейд З. Бессознательное // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: СТД, 2006. С. 183.

³¹ И наоборот, обучение алфавиту чаще идёт путем помещения буквы в слово. Можно предположить, что это и есть путь укрощения буквы, скрадывания её выпирающей буквальности.

³² Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. Анализ фобии одного пятилетнего мальчика. М.: Когито-Центр, 2007. С. 157.

³³ Лакан Ж. О вопросе, предвещающем любой возможный подход к лечению психоза // Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997.

³⁴ С благодарностью Франсуа Даше за эту поразительную для меня встречу с буквой на конференции, посвящённой случаю «маленького Ганса» в Музее сновидений Фрейда 18 сентября 2009 года. Франсуа Даше — психоаналитик, преподаватель факультета филологии и общественных наук университета Paris-Est Val-de-Marne, автор книг и множества статей о случае «маленького Ганса».

³⁵ Лакан Ж. Ещё. С. 58.

³⁶ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинары. Книга 2). М.: Гнозис — Логос, 1999. С. 222.

³⁷ Там же. С. 226.

³⁸ Лакан Ж. Ещё. С. 58.

³⁹ Конечно, трудно не вспомнить огромное значение теории множеств во французской математике, которое наметилось с выступления Гилберта на Международном конгрессе математиков в Париже в 1900 году. Идеи Кантора о множествах впоследствии развивали три французских математика — Рене Бэр, Анри Лебег и Эмиль Борель. С трудами последнего Лакан был хорошо знаком и не раз ссылался на него. С теорией множеств связаны довольно драматичные поиски в разработке понятия именованного (*ensemble nommés*), производящие деонтологизацию математических объектов, что заново позволяет поставить многие вопросы на стыке математики и философии (вопросы, заданные в этой области ещё философией Единого Плотина).

⁴⁰ Лакан Ж. Ещё. С. 59.

⁴¹ Там же.

⁴² Лакан Ж. Лекция о литуратерре.